

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ П. Г. БОГАТЫРЕВА

Ежегодные «Чтения памяти П. Г. Богатырева», которые проводятся секцией фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии начиная с 1972 г., стали уже традицией*.

Четвертые Чтения (15—17 октября 1975 г.) были посвящены теме «Специфика фольклора», связанной как с интересами П. Г. Богатырева в области теории фольклора, так и с задачами фольклористики, определившимися в последние годы. Если раньше, отметил во вступительном слове В. Е. Гусев (Ленинград), споры велись по выявлению главного специфического признака народного творчества, то теперь суть вопроса состоит в установлении системы признаков, характеризующих его как особый род деятельности.

Докладчиками было намечено несколько аспектов в решении данной проблемы, предложено несколько подходов к ней — и общетеоретических, и связанных с изучением отдельных явлений, жанров, видов фольклора.

В значительной группе докладов ставились вопросы вариантности народного творчества. Так, рассматривая вариантность как способ существования любой традиции, К. В. Чистов (Ленинград) подчеркнул, что фольклорная традиция в отличие от языковой представляет собой трансмиссию не только способов и средств воспроизведения текстов, но и самих текстов. В связи с этим были проанализированы закономерности стабилизации и вариантности составных членов коммуникативной триады — исполнитель — текст — воспринимающий, специфических для разных жанров.

И. И. Земцовский (Ленинград) в докладе «Проблема вариантности в свете музыкальной типологии (Опыт этномузыкаведческой постановки вопроса)» отметил многозначность и условность термина «вариант» в фольклористике. По мнению докладчика, за вариантностью всегда стоит традиционная канонизация устного творчества, которую можно осмыслить в аспекте типологии; однако умозаключения от реконструированных инвариантов к конкретным исполнительским вариантам являются, на его взгляд, малопродуктивными. Докладчик рассматривает вариант как показатель и обновляющих, и консервативных традиций, а суть вариантности видит в диалектической коррелятивности изменемости и стабильности; он предлагает различать вариантность сознательную и бессознательную и дифференцировать термины «вариант» и «вариантность», с их особыми коррелятивными парами: вариантность — стабильность, вариант — мелодический тип.

В докладе Н. И. Савушкиной (Москва) была уточнена формула взаимодействия варьирования и импровизации в русской народной драме. Пересмотрев границы действия каждого из названных законов исполнения текста, Н. И. Савушкина отметила ограниченность импровизационного начала в народной драме — произведении достаточно цельном.

В. В. Сенкевич-Гудкова (Ленинград) в сообщении «О специфике импровизации в песенном фольклоре народов Севера» охарактеризовала совокупность дифференцирующих признаков, отличающих импровизацию саамов, ненцев и хантов: исполнение и сочинение импровизации для самого себя, выполнение ею функции внутренней речи, неполнота информации в тексте импровизации и ряд других признаков. Наиболее детально были раскрыты архитектурные принципы, специфичные для разных типов импровизации.

Выступление Л. Н. Виноградовой (Москва) было посвящено проблеме «устойчивых формул» и их значению в обрядовом фольклоре. Отмечая своеобразие коммуникативной функции устойчивых формул в фольклоре, докладчица специально остановилась на объеме фольклорной формулы (в сравнении с речевой) и определила ее верхнюю и нижнюю границы.

Особую группу составили доклады, посвященные специфике творческого процесса в фольклоре и восприятию народного творчества. С. Н. Азбелев (Ленинград) попытался охарактеризовать своеобразие фольклорного творческого процесса путем сравнения его с аналогичным процессом в литературе. Специфична, как считает докладчик, фиксация творческих этапов, происходящая в фольклоре за счет памяти автора: здесь нет характерного для литературы взаимодействия между авторским сознанием и материально существующим вне него произведением предшествующего творчества.

* О Чтениях см.: «Сов. этнография», 1974, № 3; 1975, № 6.

Отталкиваясь от соответствующих теорий в эстетике и психологии, В. Е. Гусев рассмотрел две проблемы: особенности восприятия фольклора, обусловленные его полиэлементностью, и коллективное восприятие произведений фольклора, качественно отличное от восприятия искусства отдельной личностью. Докладчик затронул также проблему самовосприятия, актуальную для народного исполнителя, и показал взаимодействие процессов исполнения и восприятия.

В докладе Л. Е. Генина (Ленинград) «Отражение специфики фольклора в библиотечно-библиографических классификациях (ББК)» было подчеркнуто, что советская ББК отстает от уровня современной фольклористики, выдвинувшей задачи комплексного изучения народного творчества и раскрытия специфики отдельных видов и жанров. На основе специального анализа 5000 документов (книг и статей за 1970—1974 гг.) докладчик пришел к выводу о целесообразности классификации фольклора по тем устойчивым формам (песенные, сказовые, речевые, зрелищные), в которых он существует в народной среде и которым соответствует определенный набор жанров, с дальнейшей детализацией этих делений по ряду признаков.

Общие вопросы специфики фольклора оказались в центре внимания еще двух докладов. Проблема межэтнической проницаемости народного искусства в связи с его вариативной природой и «бродячестью» была поставлена в докладе Э. В. Померанцевой (Москва). Рассматривая роль фольклора в современных этнических процессах, она констатировала различную степень межэтнической проницаемости для разных типов культуры и разных жанров.

Доклад Д. М. Балашова (Петрозаводск) «Специфика фольклора и методика записи свадебного обряда» был посвящен коллективности как важнейшей отличительной черте фольклора, влекущей за собой особую методику собирательской работы. Докладчик попытался вскрыть ряд типичных принципиальных ошибок в фиксации обрядового фольклора, подчеркнув, что точность записи составляет основу фольклористики. Для получения точной записи обрядового фольклора Д. М. Балашов считает необходимым собирать сведения от коллектива (группы лиц), не ограничиваясь при этом пересказом, подтверждать записанный факт другими фактами, а также выявлять границы («кусты») отдельных местных традиций.

Третью группу составили доклады, в которых была предпринята попытка выявить специфику некоторых жанров и объяснить отдельные явления народного творчества спецификой фольклора в целом. Анализируя роль дружки в русском свадебном обряде, К. Е. Корепова (Горький) отметила ведущую, по ее мнению, специфическую черту фольклора — его принадлежность быту и искусству одновременно, которая требует от исследователей комплексного подхода к любому явлению народного творчества. В свете этих представлений К. Е. Корепова рассмотрела приговоры дружки, во многом близкие зрелищному фольклору.

В докладе Е. Е. Васильевой (Ленинград) «Духовный стих как специфическое явление русского фольклора» было отмечено, что этот стих представляет своеобразную параллель виду песенно-повествовательного фольклора в целом, будучи крайним выражением таких отличительных черт песенно-повествовательного фольклора, как неоднородность, заимствования из других жанров, относительная свобода образования и пр. Специфична также связь духовного стиха с письменной культурой.

Доклад И. В. Мациевского (Ленинград) был посвящен народным музыкальным инструментам как особому феномену народного творчества. Докладчик отметил, что в народном инструменте сочетаются явления материальной и духовной культуры, а на формировании его сказываются как специфика образности и стилистики инструментальной музыки, так и особенности верований, народно-песенной культуры, хореографии, народного изобразительного искусства и архитектуры. И. В. Мациевский подчеркнул, что изучение музыкальных инструментов народа должно стать комплексным.

В сообщении Т. Г. Булак (Москва) «Специфика народной рекламы» особое внимание было уделено утилитарности рекламы как ее главной функции, были рассмотрены некоторые особенности поэтики этого жанра, намечены отдельные проблемы взаимосвязи рекламы и малых фольклорных жанров.

Характеризуя специфику исторической проблематики бытовых сказок, Ю. И. Юдин (Курск) исходил из сложной природы отношений бытовой сказки к действительности, что было интересно проиллюстрировано анализом ряда сказочных сюжетов, в которых своеобразно актуализируются доисторические воззрения, верования, психологические навыки.

В работе конференции приняла участие известная чехословацкая фольклористка В. Гашипарикова (Братислава), выступившая с докладом «Традиции разбойничьего фольклора как этническая, интерэтническая и типологическая проблема». Она рассмотрела названный круг вопросов на материале словацкой «збійницької» традиции, особое внимание уделив как дифференциации трех перечисленных в заглавии аспектов, так и диалектике связей между ними.

Завершающим на конференции был доклад А. Н. Сохора (Ленинград), «Молодежь и музыкальный фольклор (некоторые социологические проблемы)». Докладчик на основе личных впечатлений сделал обзор современного состояния фольклорной традиции в Болгарии.

В большинстве выступлений по докладам (В. Е. Гусев, В. А. Лапин, И. В. Мациевский, Э. В. Померанцева, В. В. Сенкевич-Гудкова, К. В. Чистов, И. М. Шептунов)

и др.) отмечалось, что обращение к теме «Специфика фольклора» позволило отразить достижения фольклористики последних лет и определить задачи фольклористов на будущее. Подводя итоги конференции, В. Е. Гусев отметил преобладающий интерес докладчиков к проблеме варианта и вариантности как показатель возвращения фольклористики на путь реальности, а также подчеркнул, что Чтения не столько решили поставленные проблемы, сколько стали стимулом для дальнейшей работы над этой темой.

* * *

Пятое Чтение памяти П. Г. Богатырева, состоявшееся 27—28 октября 1976 г., были посвящены проблеме «Стилистика фольклора». Конференция открылась докладом В. Е. Гусева «О понятиях „стиль“ и „стилистика“ фольклора», в котором было предложено обоснование фольклористической стилистики как специальной и самостоятельной научной дисциплины, по предмету и методу отличной от стилистики и лингвистической, и литературоведческой. Характерные для фольклора полиэлементность выразительных средств и полифункциональность позволяют, по мнению докладчика, анализировать стиль фольклора как сложную систему специфических форм функционально-художественной образности. В. Е. Гусев подчеркнул, что задачи фольклористической стилистики не сводимы к изучению поэтики народного творчества, а предполагают комплексное исследование всей совокупности его стилистических средств.

Включенные в программу Чтений доклады в значительной степени развивали основные положения выступления В. Е. Гусева. Одни доклады представляли собой опыт изучения как отдельных стилистических приемов, так и поэтики определенного жанра, другие были связаны с выявлением более общих стилистических закономерностей в фольклоре; в целом же они создали представление о современном уровне фольклористической стилистики и ее перспективах.

Ряд докладов был объединен постановкой проблем стилистики фольклора в теоретическом аспекте. Так, например, в докладе С. Г. Лазутина (Воронеж) «О взаимосвязи стилистических средств и композиционных приемов в произведениях фольклора» был выдвинут тезис о взаимодействии отдельных компонентов содержания фольклорных текстов (тема, идея, образ) и их формы (поэтический стиль, композиция, стих, мелодия). Докладчик проиллюстрировал это положение на материале разных жанров, для композиции которых характерны специфические доминантные стилиобразующие компоненты (в заговорах — сравнения, в загадках — метафоры, в лирических песнях — символы) и высказал предположение о том, что принципы композиции наиболее древних жанров фольклора формировались под влиянием языковых стилистических средств.

Воздействие хореографического элемента на стилистические особенности напева было прослежено в докладе Н. М. Владыкиной-Бачинской (Москва) путем сопоставления песен, сопровождаемых движением, и протяжных песен. На примере хоропроводных, «ходовых» и плясовых песен было показано, как различные по темпу и характеру движения создают разное соотношение частей напева, характеризующееся, однако, во всех названных случаях строгой ритмической упорядоченностью — в отличие от неурегулированной временной протяженности музыкальных фраз в протяжных песнях, не сопровождаемых движением.

Э. В. Померанцева выступила с докладом «К вопросу о смене жанров в фольклоре», где она рассмотрела смену жанров как типологическое явление, не тождественное процессу трансформации жанра и связанное прежде всего с потребностью народа в новой тематике, сюжетике, новом содержании и стиле, — при обязательном сохранении функции исчезающего жанра. Изучение типологии смены жанров представляется Э. В. Померанцевой крайне важным для воссоздания подлинной истории фольклора — при условии учета двух сторон этого процесса, т. е. и стабильных, и мобильных его моментов.

В докладе Ю. И. Шейкина (Владивосток) «Музыкальный язык жанра „ейни“ в фольклоре удэ» на этнически ограниченном материале была поставлена проблема эволюции звуковысотных норм музыкального мышления в шаманском напеве-формуле, рассматриваемая в связи со сменой жанровой структуры: «ейни» (ритуальные вокализации шамана, сопровождаемые ударами в бубен и танцевально-мимическими движениями) — «тэлонгу» (неритуальный памятный напев о шамане) — «явонный» (имитация шаманского напева в сказке). Анализ обширного материала, представляющего стадийно разные жанровые образования, позволил автору говорить о жанре как о системе, организуемой и определяющей границы и эволюцию стиля.

Большинство докладов конференции было связано с характеристикой жанровых различий в фольклоре в свете стилистики или посвящено функционированию фольклорных стилистических приемов в художественной литературе.

Н. И. Савушкина выступила с докладом «Некоторые особенности стиля русской народной драмы», в котором драма была представлена как стилистически сложный организм, соединяющий стихотворное и прозаическое начала, «высокий» и «низкий» стили и пр. Особое внимание она уделила характеристике «высокого» стиля народной драмы, сформировавшегося в значительной степени под влиянием ранней русской драматургии.

В докладе А. Ф. Некрыловой (Ленинград) рассматривались некоторые особенности стиля городских ярмарочных увеселений. А. Ф. Некрылова выявила единые законы и принципы, подчиняющие себе городскую площадь во время гуляния, что позволило ей охарактеризовать стиль ярмарочных увеселений как особый эстетический стереотип, специально остановиться на отдельных признаках данного стиля в их исторической обусловленности, вскрыть коренное отличие русской ярмарки от западноевропейского карнавала.

Доклад Я. Ягелло (Варшава) был посвящен композиции баллады как специфическому процессу развития действия и протекания времени. К основным композиционным элементам баллады автор относит действие-поступок и словесное действие с потенциалом действия фактического. Особую роль докладчик отводит таким морфологическим элементам баллады, как персонаж, место его нахождения, действие персонажа, имеющим существенное значение для пространственно-временной динамики в произведениях данного жанра и своим соотношением создающим определенный механизм движения.

В сообщении И. М. Колесницкой (Ленинград) «Лирические (элегические) песни в русском свадебном фольклоре» были охарактеризованы поэтические признаки этого вида свадебной лирики, позволяющие отграничить его от свадебных причетов и лирических песен мажорного склада.

В докладе Р. Ивановой (София) «Поэтика болгарских величальных свадебных песен» рассматривался комплекс художественных средств, связанных с ритуальным величанием центральных обрядовых лиц, а также обрядовых предметов во время их приготовления: положительные и отрицательные сравнения, вопросительная форма отрицательного сравнения (сопоставление с небесными светилами, предметами и явлениями природы), описание внешних признаков восплаемого персонажа. Р. Иванова выделила и специально прокомментировала особую роль кума в оформлении величальной свадебной поэзии, связанную с приписываемыми ему народом сверхъестественными свойствами. Величальные песни, по мнению Р. Ивановой, расширяют семантику свадебного обряда и в целом создают единый художественный образ.

Ю. И. Юдиным были продемонстрированы разные случаи использования метафоры в бытовой сказке. Основное внимание докладчик уделит возникновению сказочного сюжета вследствие реализации общеупотребительной метафоры-прозвища (поп — жеребец, поп — старый черт и т. п.). Кроме того, были рассмотрены случаи иносказания, использованные смеховым сюжетом в форме шутовского инобытия. В сравнении с бытовой метафорой-прозвищем, развернутой сюжетно, метафора второго типа подчас не улавливается в одном слове или понятии и отличается, как подчеркнул Ю. И. Юдин, более многообразным символическим значением.

В сообщении Р. А. Богомольной (Киев) на большом конкретном материале было прослежено использование эпитета в молдавском фольклоре, функционально очень многообразное.

Сопоставление стилистических особенностей фольклорных повествований о деятельности Олега, Игоря, Ольги и Святослава в русской летописи с особенностями исландских родовых саг позволило С. Н. Азбелеву в докладе «Сравнительный анализ стиля как одно из средств определения жанра (на материале несказочной прозы)» сделать вывод о типологическом тождестве материала разных народов, отразившего сходные исторические условия в жанре «устного хрониката».

Выступление Л. С. Шептаева (Ленинград) «Фольклорные истоки иронии в творчестве демократов-шестидесятников» явилось попыткой рассмотреть творчество А. И. Левитова с точки зрения принципиально нового отношения писателей-шестидесятников к фольклору, далеко выходящего за рамки чисто этнографических задач.

В докладе Н. И. Копыловой (Воронеж) «Функционирование фольклорного эпитета в стиле русских романтических баллад и поэм первой трети XIX в.» идеализация, драматизация и контрастность рассматривались как основные функции фольклорного эпитета в произведениях русских романтиков. Это позволило докладчику показать ограниченность представлений об исключительно реалистических целях использования фольклора в литературе.

В. В. Сенкевич-Гудкова в сообщении «Жанровые стилистические признаки фольклора» сопоставила стилистические признаки двух музыкально-поэтических жанров хантыйского фольклора: ритуальных песен медвежьего праздника и женских лирических песен. Названные жанры, обладая рядом общих стилистических средств, имеют, как было показано в докладе, существенные различия, связанные с отражением в их структуре принципиально разных художественных моделей мира, известных фольклору, и с функциональными особенностями стиля в каждом случае.

В заключительном слове В. Е. Гусев отметил, что на конференции были заслушаны доклады, посвященные и собственно стилям фольклора, и его поэтике. Эти две тенденции в трактовке понятия «стиль» не следует рассматривать как противоречащие друг другу — при условии, что поэтика фольклора предстает в свете его специфики. В целом В. Е. Гусев оценил пятые Чтения памяти П. Г. Богатырева как шаг вперед в постановке и разработке обсуждавшейся проблемы, подчеркнув, что они открыли новые перспективы в изучении взаимосвязей содержания и формы народного искусства.

Л. М. Ивлева